

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Забывтый генсек

Очерк политической биографии Хорхе Виво д'Эското

История компартии Кубы и ряда других левых партий Латинской Америки до сих пор содержит множество лакун. Одной из них является вопрос о кадровом составе партий. В настоящей статье авторы прослеживают основные вехи политической биографии и научного пути Хорхе Абилио Виво д'Эското — одного из генеральных секретарей кубинской КП, активиста левых движений Кубы, Мексики, Колумбии и стран Центральной Америки, функционера Коминтерна, а впоследствии видного мексиканского ученого.

Ключевые слова: Хорхе А.Виво; компартия Кубы; Коминтерн; Профинтерн; «августовская ошибка»; революционная эмиграция.

Рассказывая газете «Granma» о своем жизненном пути, председатель Национальной ассамблеи народной власти Кубы Блас Рока упомянул и о его избрании на пост секретаря Коммунистической партии Кубы (Partido Comunista de Cuba, PCC) на ее Втором съезде в 1934 г. Ему задали уточняющий вопрос: «Ты сменил Рубена Мартинеса Вильену?». На это исторический лидер «первой марксистско-ленинской партии Кубы» ответил так: «Вильена никогда не был секретарем партии. Являясь на деле ее высшим руководителем, он считал, что генеральный секретарь должен иметь рабочее происхождение или быть трудящимся... Мы все обращались к нему за советом, и без консультации с ним не решалось ничего. Мы всегда принимали во внимание его мнение.

В 1933 г. в момент свержения Мачадо в роли генерального секретаря партии выступал персонаж, которого мы называли Пабло. В августе 1933 г. его сняли с этого поста, поскольку он совершил ряд вещей: на Политбюро принимались решения, а потом он их изменял по своей прихоти, так что, по словам Мартинеса Вильены, он был не столько генеральным секретарем, сколько генералом-секретарем, характеристика, вполне укладывавшаяся в ту легкую манеру, в которой Рубен объяснял ситуацию. И его сняли с поста»¹.

Виктор Лазаревич Хейфец — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений СПбГУАП, зав.кафедрой мировой экономики и международных отношений СПбГУ ИТМО; Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований СПбГУ, представитель ИЛА РАН в Санкт-Петербурге (ilaranspb@hotmail.com).

Б.Рока не раскрыл подлинное имя «Пабло» и не дал подробную характеристику его личности. Ветерана подвела память? Или он не считал это возможным по каким-либо причинам личного или политического характера? Еще интереснее, почему Рубен Мартинес Вильена, применявший, по оценке мемуариста, авторитарные методы для руководства подпольной партией, считается на Кубе культовой фигурой, а подлинное имя другого лидера РСС, совершавшего аналогичные ошибки, предано забвению? Рока не мог забыть человека, с которым плечом к плечу несколько лет работал в Политбюро ЦК партии, участвовал в работе VII конгресса Коминтерна. Значит, он просто не захотел рассказывать о нем. В интервью были и другие неточности, связанные с фигурой «Пабло». Тот не был рабочим, а Франсиско Кальдерио (который в тот момент носил псевдоним «Хулио Мартинес», а позднее стал известен как «Блас Рока»), избранный генсеком партии, членом Политбюро и Секретариата ЦК, временным руководителем Военного комитета ЦК на Пленуме ЦК 14 ноября 1933 г., сменил формально возглавлявшего партию в тот момент рабочего-железнодорожника «Сампедро» (Исидро Фигероа)².

Несмотря на то, что в последние годы стало больше исследований о международном коммунистическом движении, основанных на архивных документах, «белых пятен» в его историографии до сих пор немало. Не в полной мере освещены некоторые события, имевшие принципиальное значение для истории компартий. До сих пор не прояснена роль многих активных участников революционных процессов, в том числе игравших в них ключевые роли. Даже правящие компартии, имеющие специальные научные центры, не провели комплексного исследования своего исторического прошлого. В значительной мере это относится к действовавшей в 1925—1962 гг. «первой марксистско-ленинской партии» Кубы, как в исторической науке страны характеризуют предшественницу нынешней РСС. Достаточно сказать, что до сих пор не назван полный список ее генеральных секретарей. Одним из «забытых» генсеков и являлся «товарищ Пабло» — Хорхе Абилио Виво д'Эското, о жизненном пути которого мы и попробуем рассказать в надежде восстановить историческую справедливость в отношении этой яркой фигуры кубинского и латиноамериканского революционного движения 1920—1930-х годов.

Хорхе Виво родился в Гаване в мелкобуржуазной семье 22 февраля 1906 г. Изучал право и антропологию. Когда Виво учился, остров буквально «бурлил». Массовое неприятие правительства Альфредо Сайаса (1921—1925), при котором расцвели коррупция и nepotизм, приводило к регулярным протестным выступлениям. Еще одной их причиной было недовольство зависимостью «псевдореспублики» от соседних США, активно влиявших на политическую жизнь Кубы и доминировавших в ее экономике. На политическую сцену вышли группа «Минористов» (меньшинства)³, Национальная ассоциация ветеранов и патриотов (Asociación Nacional de Veteranos y Patriotas, ANVP), Рабочая федерация Гаваны (Federación Obrera de La Habana, FOH) и другие организации. В начале 1920-х гг. во многих латиноамериканских странах активно действовали студенческие движения за проведение университетской реформы⁴. Центром такого движения на Кубе стал Гаванский университет. На проходившем в его стенах форуме Латиноамериканской федерации медицины (Federación Latinoamericana de Medicina) ректор университета Кордобы доктор Хосе Арсе под овации слушателей решительно высказался против американского империализма. Вскоре была основана Федерация университетских студентов

(Federación Estudiantil Universitaria, FEU), настаивавшая на увольнении ряда профессоров и введении автономии высших учебных заведений.

Многие участники движения за перемены в образовании принадлежали к аристократическим кругам, но среди них становилось все больше и представителей среднего класса, к которому относился и юный студент юридического факультета Виво⁵. Во время учебы он работал учителем, репортером, служащим Националистического союза (Unión Nacionalista, UN) — политической партии, выступавшей против диктатуры. В октябре 1923 г. 17-летний активист стал делегатом I Национального студенческого конгресса Кубы, на котором решительно прозвучали требования реформы всей системы образования в стране, и было принято решение о создании Народного университета им.Хосе Марти (Universidad Popular José Martí, UP). В целом работа форума велась в русле антиимпериалистической борьбы, однако на нем не нашли поддержки хвалебные оценки, данные революционным студенческим лидером Хулио Антонио Мельей Советскому Союзу⁶. Делегат конгресса Виво безоговорочно присоединился к левому крылу конгресса (к нему также относились Альфонсо Берналь, Сара Паскуаль, Дульсе Мария Эскалона, Леонардо Фернандес Санчес). С этих дней его жизнь была тесно связана с Мельей. Виво вступил в основанную этим вожаком молодежи Антиклерикальную лигу (Liga Anticlerical) (1923 г.), занял пост ее генерального секретаря и вице-президента, участвовал в основании UP, преподавал в нем, а в 1925 г. сменил Мелью на посту генерального секретаря университета.

UP стал не только образовательным центром для рабочих — в нем формировались революционные кадры, как и задумывал Мелья. В новом учебном заведении проводились занятия для неграмотных, читались лекции на общеполитические темы. Среди преподавателей можно было встретить и представителей «минористов», и известных профсоюзных деятелей Альфредо Лопеса и Антонио Пеничета. Университетские аудитории располагались в помещениях одного из профсоюзов. В 1925 г. после прихода к власти генерала Херардо Мачадо UP, как и многие рабочие и революционные организации, столкнулся с новыми трудностями. Полиция пристально следила за его деятельностью, целый ряд преподавателей и студентов попали за решетку за оппозиционную деятельность.

В 1925 г. Мелья был арестован по обвинению в заговоре и подготовке взрывов и сразу объявил голодовку. Виво вошел в комитет за его освобождение. Кампания поддержки оппозиционера приняла международный характер, но РСС от этой борьбы уклонилась. Более того, руководство партии осудило своего харизматического лидера за «недисциплинированность и неподчинение решениям ЦИК». Товарищи по партии сочли голодовку Мельи ошибкой и подвергли его политическому ostracismu. В этом конфликте профессора UP за редким исключением встали на сторону Мельи. Действия Виво и других его товарищей были решительными и бескомпромиссными. Из университета были уволены поддержавшие решение партийного суда об исключении Мельи из партии А.Берналь дель Риэго и А.Р.Руис Кортес. Аналогичную позицию заняла и кубинская секция Всеамериканской антиимпериалистической лиги (Liga Antiimperialista de las Américas, LADLA), национальным секретарем которой с января 1926 г. стал Виво⁷. Очевидно, что именно он, преемник Мельи в руководстве двух ведущих организаций, союзных РСС, и был инициатором этой линии поведения, которая на Первой партийной конференции в 1926 г. была охарактеризована как «коммунистический мельизм» — «безответственные, по-

дозрительные, злонамеренные и оппортунистические идеи, направленные против РСС»⁸.

Виво, не входивший на тот момент в РСС, был одним из идеологов «коммунистического мельизма»⁹. Чья же позиция отражала объективные интересы революционного антиимпериалистического движения? Сегодня очевидно: руководители РСС придерживались сектантской линии, требуя от лиги «плодотворного участия в пролетарской борьбе», но не стремясь создать широкий единый антиимпериалистический фронт, в то время как сторонники Мельи и в первую очередь Виво настаивали на объединении разнообразных антидиктаторских сил. Для реализации этой установки сам Виво не удовлетворился работой с рабочими в университете и лиге, активно включившись в профсоюзное движение: с 1926 г. он работал в ФОН, затем стал вспомогательным секретарем Национальной рабочей конфедерации Кубы (Confederación Nacional Obrera de Cuba, CNOC)¹⁰.

Его, убежденного марксиста, последователя идей Третьего Интернационала, не устраивала роль стороннего критика политики компартии. В декабре 1926 г. Виво отказался от поста в Социалистическом клубе и решил вступить в РСС, продолжая, однако, выступать против сектантской позиции ее руководства. Но это желание было реализовано только после признания Центральным комитетом РСС поражения в своем противостоянии с Мельей, на сторону которого встали компартии Мексики, США и работники аппарата Коминтерна. После восстановления Мельи «во всех правах и обязанностях члена партии»¹¹, в июне 1927 г. в РСС была принята группа профессоров UR, в том числе и его генеральный секретарь.

Но политическая активность Виво не устраивала кубинские власти. В июле 1927 г. он был арестован по делу 967 (Мелье обвинение в рамках того же дела предъявлялось заочно). В информации от начальника гаванской полиции для мексиканского правительства говорилось, что Мелья и Виво «не принадлежат ни к одной политической партии, действующей на Кубе, не являются ни рабочими, ни трудящимися, и преследуются не правительством Кубы, а судебными органами»¹². В связи с угрозой физической расправы над своим неопитом РСС организовала отъезд Виво из страны.

Так для него началась десятилетняя одиссея служения международному коммунистическому движению, во время которой он сменил много стран и профессий. 6 сентября 1927 г. он приехал в Блуфильдс (Никарагуа), но из-за экономических трудностей и войны, которую вела против правительства и американской морской пехоты Армия защиты национального суверенитета, возглавлявшаяся А.С.Сандино, был вынужден перебраться в Коста-

Хорхе Абилио Виво д'Эското (личный архив Хорхе Виво Лаурента)

Рику и принять гражданство с целью избежать возможной депортации на родину. В этой центральноамериканской стране кубинец устроился работать репортером газеты «La Prensa» и трудился на госслужбе.

Но и в Коста-Рике Виво — убежденный борец за социальную справедливость — не вел тихую жизнь эмигранта, а стал преподавателем политэкономии в Народном университете Сан-Хосе. Вместе с группой ремесленников он изучал марксизм, создал коммунистические группы в Картаго, Лимоне, Сан-Хосе и Эредиа, на основе которых в 1929 г. была учреждена Народная партия (Partido Popular, PP) — организация коммунистической ориентации, сумевшая провести своего кандидата в муниципалитет и издававшая газету «La Lucha»¹³.

В стране сложилась довольно развитая, по местным меркам, культура рабочего движения. Наемные работники, многие из которых придерживались анархистских или социалистических взглядов, располагали собственными клубами, создали целый ряд ассоциаций, профсоюзов и газет. С 1913 г. в Коста-Рике существовала традиция празднования 1 мая, а в 1920 г. состоялись крупные забастовки с требованием введения 8-часового рабочего дня и повышения зарплат. Это побудило правительство к проведению ряда социальных реформ. Обстоятельства, в которых Виво работал в Коста-Рике, существенно отличались от ситуации на Кубе, где рабочее движение сталкивалось с жестким преследованием со стороны властей. Однако костариканское рабочее движение находилось на обочине мировой революции, не имело контактов с Коминтерном и Профинтерном, и Виво приложил максимум усилий для его интеграции в международное коммунистическое движение. Он писал в «La Lucha»: «В Коста-Рике, как и в Англии, Швеции, Италии, Аргентине, Мексике и по всей планете, есть рабочие, есть лишь одно солнце, не отказывающее в свете даже последнему человеку на земле. Оно принадлежит всем. Вперед, товарищи!»¹⁴.

Виво завязал активную переписку с Профинтерном и французской Унитарной всеобщей конфедерацией трудящихся (Confédération générale du travail unitaire, CGTU)¹⁵, и в глазах международного профсоюзного движения, ориентированного на Коминтерн, именно он представлял профсоюзы Коста-Рики и в 1928 г. был избран кандидатом в члены Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов от этой страны¹⁶.

Но он вряд ли знал о своей новой должности в международном рабочем движении¹⁷. В феврале 1928 г. кубинский эмигрант продолжил свои скитания. Он был вынужден переехать в Панаму, где вступил в контакт с Лабористской партией (Partido Laborista, PL), но уже в марте в связи с болезнью выехал в Колумбию. Здесь он работал типографским рабочим, редактором ежедневной газеты Национальной рабочей конфедерации (Confederación Obrera Nacional, CON) и неофициального печатного органа Социалистической революционной партии (Partido Socialista Revolucionario, PSR) «La Humanidad» (Кали) — одной из главных газет Колумбии в 1920-е годы¹⁸, репортером «El Espectador», «Diario Nacional». Виво был избран генеральным секретарем делегации Ассоциации новых революционных эмигрантов с Кубы (Asociación de Nuevos Emigrados Revolucionarios Cubanos, ANERC) в Колумбии¹⁹. Журналистская работа в Колумбии в те годы имела свои особенности: одной из важнейших характеристик революционной социалистической прессы был идеологический плюрализм, в котором смешивались идеи либерализма, марксистского и утопического социализма, анархизма и христианских взглядов, лозунги научной революции и борьбы против алкоголизма, в защиту русской революции и эмансипации женщин, требования разработки широкого рабочего законодательства и антиимпе-

риализм. Все это было хорошо знакомо Виво со времен студенческого движения на Кубе, но не отвечало стандартам международной коммунистической партии, активистом которой он себя считал.

Вступив в марте 1928 г. в PSR, кубинец вошел в партийный комитет Валье-дель-Каука. Вокруг него сплотилась «антипутчистская тенденция» — группа коммунистов, оппозиционных лидерам партии, взявшим курс на союз с либералами и организацию вооруженного восстания. В партии социалистов-революционеров Виво достиг высокого положения: он исполнял обязанности секретаря-организатора исполкома, был избран делегатом PSR на VI конгресс Коминтерна, но не смог выехать в Москву из-за ареста. Тот факт, что Виво не принял участие в высшем форуме мировой компартии, несомненно, несколько принизил роль в нем делегации PSR. Представлявшие партию Х.Карденас и Н.Арсе были людьми весьма слу-

Рубен Мартинес Вильена

чайными для коммунистического движения. Они, в отличие от Виво, не обладали серьезной марксистской теоретической подготовкой и не принимали активного участия в дискуссии по проблемам латиноамериканского революционного движения.

На II съезде PSR, прошедшем в декабре 1928 — январе 1929 г., Виво был избран членом исполкома партии, и в качестве члена высшего партийного руководства участвовал в выработке директив по организации банановой забастовки²⁰, выступая против путчистской линии лидера стачечного комитета Рауля Маэчи²¹. По оценке представителя Профинтерна в Южной Америке Октава Рабате (он же «Жан Остин»), в условиях, когда партийное руководство выглядело слабым в теоретическом и организационном отношении, единственным, кто действительно помогал работе, был кубинский товарищ Виво, изгнанный с тех пор из Колумбии²².

Но сразу после съезда Виво был арестован и выслан в Панаму, откуда перебрался в Гватемалу и пробыл там около месяца, сотрудничая с местными коммунистами. В апреле 1929 г. Виво переехал в Мексику, вступил в Коммунистическую партию Мексики (Partido Comunista de México, PCM), работал в аппарате Унитарной профсоюзной конфедерации Мексики (Confederación Sindical Unitaria de México, CSUM), был избран членом исполкома мексиканской секции Международной организации помощи пролетарским революционерам (Socorro Rojo Internacional, SRI). Он сменил погибшего в январе от руки агента мачадовского режима Мелью на посту генерального секретаря мексиканской делегации ANERC и осуществлял связь между мексиканской и кубинской секциями Коминтерна как представитель РСС при ЦК компартии Мексики²³.

В 1929 г. Виво наконец-то смог завершить свое образование, получив диплом юриста, но тяга к знаниям была непреодолима, и он поступил в Школу экономики. В Мексике он стал профессиональным партийным функционером²⁴. Достоверной информации о его зарплате нет, но доступные нам немногочисленные финансовые документы Коминтерна позволяют утверждать, что роскошествовать Виво, как и другие латиноамериканские коммунисты, получавшие денежное содержание от мировой компартии, не имел возможности: в исполкоме Коммунистического Интернационала (ИККИ) деньгами не разбрасывались. Совмещать же партийную работу с заработками, как это было на Кубе, в Коста-Рике и Колумбии, у него не было возможности.

В мае 1929 г. руководство РСС назначило Виво и С.Хунко делегатами на Первую конференцию коммунистов Латинской Америки. При подборе кандидатов для поездки в Буэнос-Айрес на континентальный форум компартий и в Монтевидео на Латиноамериканский профсоюзный конгресс важным условием была возможность вернуться на Кубу. Для Хунко и А.Баррейро, выбранных делегатами профсоюзного конгресса, приезд на родину был практически исключен. Для Виво в партии, очевидно, такую возможность видели. Но организации, в которых он работал, категорически возражали против его отъезда, считая крайне полезной его деятельность в Мексике. Кроме того, как это нередко бывало в Коминтерне, возникло другое непреодолимое препятствие: международная компартия вовремя не выделила деньги на поездку кубинских делегатов²⁵. Таким образом, Виво, которого три организации, ориентировавшиеся на Коминтерн, сочли достойным представлять их интересы, вновь не смог участвовать в обсуждении проблем латиноамериканского революционного движения на крупнейших международных форумах.

С группой кубинских эмигрантов (М.А.Котоньо, Р.Теурбе Толоном, С.Хунко, А.Баррейро) Виво активно участвовал в кампании против Х.Мачадо и готовил к изданию газету «Mella», выход первого номера которой был запланирован на май 1929 г. Деятельность революционной эмиграции серьезно беспокоила диктаторский режим, и посольство Кубы обратилось к мексиканским властям с просьбой воспрепятствовать проведению митинга на могиле Мельи и других антимачадовских выступлений²⁶.

Отдел политических расследований мексиканского МВД вел слежку за эмигрантами — не столько из желания помочь кубинским властям, сколько по мотивам внутривластного характера. Многие кубинцы принимали участие в деятельности местных левых и антиправительственных организаций, а Виво, по оценке одного из тайных агентов, был одним из руководителей коммунистического движения²⁷.

Когда кубинец оказался в Мексике, страна испытывала масштабный кризис, спровоцированный предвыборной президентской кампанией 1928 г. и событиями, развернувшимися непосредственно после нее. Выдвижение Альваро Обрегона на пост главы государства стало нарушением революционного принципа отказа от переизбрания, вновь расколов и без того неоднородную правящую элиту, часть которой бросила вызов экс-президенту на выборах, а часть попыталась вооруженным путем противостоять победе обрегонизма. Гибель победившего на выборах каудильо привела к острой поляризации общества. В этих условиях усилилось влияние Плутарко Элиаса Кальеса, фактически руководившего страной в роли верховного вождя. Средством для объединения большинства политических течений стало создание государственной Национальной революционной партии (Partido Nacional Revolucionario, PNR)²⁸. Хотя формальной целью обра-

зования PNR провозглашалось формирование «национального единого фронта», на деле произошло сужение политического спектра страны — легитимная политическая деятельность осуществлялась преимущественно внутри партии, распространившей свое влияние и на местные власти, и на ряд общественных организаций. С этого момента происходила неуклонная консолидация государственной машины, и были заложены основы политической системы, господствовавшей в Мексике до конца XX в.

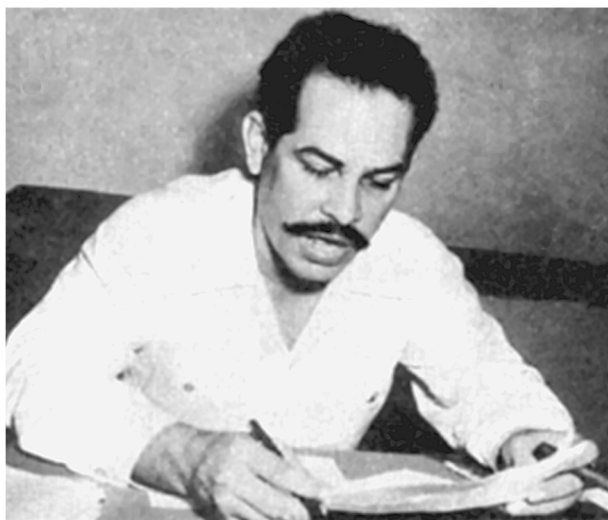
Ситуация осложнялась откровенным намерением Кальеса и его окружения минимизировать влияние революционного крыла левых нарастающим кризисом внутри руководства РСМ и все возрастающим желанием руководства Коминтерна серьезно скорректировать политику своей мексиканской секции в духе новых установок III Интернационала. Серьезным фактором, влиявшим на реконфигурацию внутри левого движения Мексики, стало также усиление леворадикальных настроений среди части активистов и руководства компартии, готовых к резкому конфликту с властями собственной страны.

Начавшаяся осенью 1928 г. «сталинизация» всемирной компартии и ее постепенная чистка от «правых» и «примиренцев» существенно меняла модель взаимоотношений между Москвой и левым движением различных стран. Международное объединение компартий превращалось из союза относительно самостоятельных секций Коминтерна в механизм для реализации любых решений И.В.Сталина и его ближайшего окружения. При этом никаких серьезных дискуссий по важнейшим вопросам коммунистического движения не предполагалось. В общей стратегии и тактике левых никак не учитывалась национальная специфика. В реальных условиях 1928—1929 гг. аппарат III Интернационала стимулировал леворадикальные настроения среди латиноамериканских коммунистов, настаивая на разрыве связей с «недостаточно идейно выдержанными» союзниками²⁹.

Всегда сильные в РСМ левацкие и путчистские тенденции выплеснулись после того как правительство Э.Портеса Хилья³⁰ обрушило на партию репрессии, арестовав ряд ее активистов и функционеров и закрыв газету коммунистов «El Machete», обвинив ее в систематических нападках на президента и дезориентации крестьянских и рабочих масс по вопросу земель и труда. Тайная полиция ежедневно собирала информацию об активистах мексиканской секции III Интернационала и выявляла иностранцев, многие из которых были депортированы в период с декабря 1929 по февраль 1930 г.³¹. По ложному обвинению в принадлежности к мятежникам был лишен депутатского мандата единственный коммунист в палате депутатов Э.Лаборде.

Активная работа, развернутая Виво, была прервана его арестом в мае 1929 г. и высылкой в США (март 1930 г.). Американская компартия направила его на работу в Центр испаноязычных рабочих, ввела в Бюро испанской секции партии (в последние месяцы пребывания в США Виво был его генеральным секретарем). В качестве гостя кубинец присутствовал на съездах компартии и пленумах ЦИК. Марксистское самообразование он дополнил обучением в Рабочей школе в Нью-Йорке.

В 1930 г. мексиканская компартия, вынужденная перейти в подполье, отказалась от права координировать работу региональных органов ряда аффилированных структур Коминтерна на своей территории. Это касалось и функционирования Карибского бюро (секретариата) SRI, переведенного в Нью-Йорк. Вместо итальянца Витторио Видали, вынужденного из-за преследований уехать в Москву, его генеральным секретарем в феврале 1930 г. был назначен Виво, кооптированный как представитель SRI в Карибское бюро

Блас Рока

(Buró del Caribe, BC) Коминтерна. Чуть позже (16 апреля) мексиканская компартия назначила его своим представителем при ЦИК КП США (Partido Comunista de los Estados Unidos, PC de EU)³². В этом качестве ему довелось участвовать в решении ключевых для РСМ вопросов: «дело Сандино» (конфликт между партией и лидером никарагуанских повстанцев, вызванный обстоятельствами его длительного пребывания в Мексике); организация помощи CSUM, деятельность ко-

торой оказалась во многом парализованной вследствие правительственных репрессий³³. Под воздействием новых веяний в III Интернационале времен «третьего периода» Виво дал скептическую оценку ситуации в рабочем движении: «положение партий, профсоюзов и других союзных организаций в Латинской Америке весьма скверное. В Латинской Америке нет ни одного руководителя, способного проводить линию Коминтерна. Большинство принимаемых им резолюций основаны на недостаточной информации, предоставляемой правыми лидерами. Нерешенность этого вопроса тормозит работу в Латинской Америке. Товарищи в Мексике считают, что американская партия должна больше критиковать работу мексиканской и латиноамериканских партий. Профинтерн также мало что сделал в латиноамериканских странах. Он направил одного или двух представителей, но конкретной помощи в создании там профсоюзов не оказал. В РСМ хотят, чтобы американские товарищи хорошо обдумали возможность перевода всех карибских офисов в Нью-Йорк»³⁴.

По сути дела Виво предстояло добиться получения финансовой помощи со стороны КП США и организации работы на территории США коминтерновских структур, действовавших до этого в Мексике. Впрочем, по имеющимся данным, существенной материальной поддержки от американских коммунистов Виво для РСМ не получил.

Находясь в Нью-Йорке, кубинец на страницах испаноязычной газеты американской компартии «Vida Obrera» активно проводил линию «класс против класса» и одновременно — борьбы против левой троцкистской оппозиции. Он под псевдонимом Р.Гомес обрушился с резкой критикой на позицию «Международной коммунистической оппозиции» (сторонников Троцкого) и ее мексиканской секции относительно событий в Китае, опубликовав статью «Леваки Мексики против китайской революции», в которой утверждал, что те получали деньги от правительства Паскуаля Ортиса Рубио³⁵.

Ответ не заставил себя долго ждать: оппоненты называли Виво «демагогом» и организатором «истерических атак». Бывшие коллеги по партии жестко парировали его заявления: «в указанный период, когда большинство активных коммунистов в Мексике оказались в тюрьме, сам Виво трус-

ливо ретировался из страны. Он бросил работу, которую тогда делал в мексиканской секции SRI, чтобы перебраться в США, где риска меньше, а жизнь платных функционеров проще. Если у него еще осталось хоть сколько-нибудь честности, советуем ему подучиться, ибо его собственные слова показывают, что ему не хватает знаний»³⁶. Конечно же, и декларации Виво, и ответные филиппики одного из лидеров мексиканского троцкизма Росалио Негрете (он же Рассел Блэкуэлл) были далеки от истины: троцкисты не были сторонниками правительства, а Виво покинул Мексику не по своей воле. Но в тот момент это мало кого волновало в международном коммунистическом движении. В яростной внутрипартийной и внутрикоминтерновской борьбе вчерашних единомышленников в ход шли любые методы, в том числе и откровенная фальсификация. Для Виво кампания против троцкизма приобрела вскоре дополнительную значимость: в рядах сторонников «левой оппозиции» оказался его бывший коллега по РСС и РСМ С.Хунко. Вскоре конфликты между коммунистами и троцкистами докатились и до карибского острова. И Виво возглавил кампанию по очищению кубинской компартии от троцкистских элементов во главе с вернувшимся из Москвы Хунко³⁷.

Как один из руководителей Карибского бюро — регионального представительства Коминтерна — Виво принял активное участие в кампании против группы коммунистов (Густаво и Эдуардо Мачадо, Сальвадор де ла Пласа), возглавлявших основанную в 1927 г. Венесуэльскую революционную партию (Partido Revolucionario Venezolano, PRV)³⁸. III Интернационал не поддержал идею вооруженной экспедиции на территорию Венесуэлы, разрабатывавшуюся коммунистами в эмиграции с середины 1920-х годов. По иронии судьбы подобный план (применительно к Кубе) рассматривал Мелья, готовый ради этой цели сотрудничать с представителями Националистического союза. Он стал одним из активистов PRV и убеждал Москву помочь в организации военной операции против диктатуры Хуана Висенте Гомеса³⁹: «Пример Никарагуа показывает: неважно, какое именно военное движение против империализма является революционным. Небольшое сотрудничество с венесуэльским движением было не только атакой против самого сильного империализма в мире и возможной основой для операций антиимпериалистического и коммунистического движения на Карибах со стороны Коминтерна, но и стало сотрудничеством с Мексикой, ведущей прямую борьбу против империализма, что могло стать началом изменений в политике этого государства по отношению к стране Советов и к коммунистическому движению в целом»⁴⁰. В случае успеха антигомесовской вооруженной экспедиции в Венесуэле мог быть сформирован второй, помимо мексиканского, центр для развертывания «дела национального освобождения от империалистов». Но Мелья пал жертвой покушения, а в его отсутствие позиции руководителей PRV еще больше ослабли — особенно после поражения несанкционированной Коминтерном «атаки на Кюрасао», осуществленной группой Г.Мачадо в 1929 г.

Руководство III Интернационала направило письмо коммунистам, состоящим в PRV, в котором критически высказалось по вопросу о свержении Гомеса силами вооруженной экспедиции извне и замене организации массового восстания «индивидуальным героизмом». Письмо обсуждалось на заседании Политбюро ЦК РСМ, итогом которого стало решение сосредоточить усилия на создании в Венесуэле компартии на базе членов эмигрантских коммунистических групп и развитии рабочего движения внутри страны. Коммунистическая фракция PRV при этом должна была превратиться в консолидированную структуру, проводящую линию Коминтер-

Хулио Антонио Мелья

в оппозиции группе Эрнана Лаборде, возглавившего партию в 1929 г., поскольку были в дружеских отношениях с его предшественником Р.Каррильо, и поскольку венесуэльцы традиционно сотрудничали с правительством П.Э.Кальеса, предоставлявшего PRV свободу деятельности и финансовую помощь. Новое руководство РСМ подвергло резкой критике «гарибальдистский уклон» PRV и «потворство» правительственным репрессиям против мексиканских коммунистов в 1929 г. От венесуэльцев, состоявших в РСМ, потребовали немедленно выйти из PRV, «осудив ее руководителей как предателей континентального революционного и антиимпериалистического движения». Пребывание в рядах партии венесуэльской эмиграции отныне расценивалось как несовместимое с членством в Коминтерне, поскольку PRV «предала рабоче-крестьянскую революцию, еще не придя к власти»⁴². Подобные формулировки разрабатывались под влиянием Москвы. Это были вынуждены понять венесуэльские эмигранты-коммунисты, скрепя сердце согласившиеся с решениями в отношении PRV. Они отказались от идеи вооруженной экспедиции и сосредоточили свои усилия на реализации плана создания компартии Венесуэлы внутри страны.

Виво был хорошо знаком с коммунистами-лидерами PRV по работе на Кубе⁴³, в РСМ, и по совместной деятельности в рамках LADLA. Почему же он выступил с осуждением идей, которых придерживались его старые друзья и Мелья — активный участник подготовки плана вооруженных экспедиций в Венесуэлу и на Кубу? Не было ли это предательством памяти своего кумира, предательством товарищей по революционной борьбе, данью политической коминтерновской конъюнктуре? Думается, что нет. Во-первых, он, находясь в Коста-Рике и Колумбии, надолго, по меркам тех бурных времен, отошел от собственно кубинских дел и мог быть не в курсе совершенно секретных планов Мельи и PRV (хотя до членов колумбий-

на⁴¹. Только после этого Москва считала возможным осуществление социальной революции в Венесуэле. Эта позиция была подтверждена и участниками Первой конференции компартий Латинской Америки в Буэнос-Айресе (июнь 1929 г.).

Однако венесуэльские эмигранты не отказались от идеи вооруженной борьбы против Гомеса, а РСМ, если и не поддерживала своих венесуэльских единомышленников напрямую, то, по крайней мере, не препятствовала их деятельности. Мексиканские коммунисты осознавали значение венесуэльской эмиграции, надеясь использовать ее для развертывания широкого антиимпериалистического фронта.

Рано или поздно конфликт венесуэльских эмигрантов с Коминтерном не мог не затронуть РСМ. С. де ла Пласа и братья Мачадо оказались

ской делегации ANERC могла доходить какая-то информация о них, ведь члены Ассоциации и должны были стать главной ударной силой антимачадовской вооруженной акции). Во-вторых, благодаря своему колумбийскому опыту он отрицал возможность такого рода действий для коммунистов. Именно Виво был идеологом «антипутчистской» тенденции в PSR. В-третьих, он не мог не считаться с позицией Коминтерна, в то время категорически отрицавшего этот путь для Кубы, Венесуэлы, да и для всей Латинской Америки, и видевшего залог успеха революции на континенте в создании сильных пролетарских партий. По этому поводу в ИККИ и Карибском бюро были приняты конкретные решения, и дисциплинированный международный коммунистический функционер должен был пропагандировать и проводить эти директивы в жизнь.

Венесуэльцы не столько обиделись на позицию Москвы, сколько были задеты действиями Виво. В глазах Г.Мачадо и де ла Пласы они выглядели, если не предательством, то, по крайней мере, недружеским поступком со стороны кубинца.

Как региональный руководитель SRI Виво организовал многочисленные кампании солидарности с заключенными и преследуемыми за антидиктаторскую деятельность в Венесуэле, Колумбии, Сальвадоре, Гватемале, Панаме. С его помощью организован выезд в СССР лидера РСС Р.Мартинеса Вильены, которому мачадовский режим угрожал физической расправой⁴⁴.

Но правозащитная деятельность по поддержке преследуемых революционеров и помощи их семьям продолжалась недолго. В разгар интенсивной подготовки подпольного Второго съезда компартии Кубы 29 мая 1930 г. был арестован весь состав Секретариата ЦК⁴⁵. Внутри страны в немногочисленной партии практически не осталось авторитетных лидеров. За год до этого был убит Мелья. В Москве находились Мартинес Вильена, работавший в Коминтерне, и стажировавшийся в Профинтерне Хоакин Ордоки. В Международной Ленинской школе учились Хунко (по направлению мексиканской компартии) и Рамон Николау (по квоте РСС). В Карибском субсекретариате Профсоюзной конфедерации Латинской Америки (Confederación Sindical Latinoamericana, CSLA) работал кандидат в члены ИККИ А.Баррейро. Л.Фернандес Санчес в Нью-Йорке руководил изданием «Vida Obrera».

Без признанных вождей деятельность партии была практически парализована. Возникла экстренная необходимость в восстановлении разрушенных организационных связей. По сути дела речь шла о реорганизации всей партийной работы. Руководство Карибского бюро Коминтерна решило, что лучший кандидат для выполнения этой задачи — Хорхе Виво, и обратилось в ИККИ с просьбой освободить его от обязанностей в SRI и срочно направить «для налаживания работы нового ЦК Кубы»⁴⁶. Латиноамериканский лендер-секретариат, курировавший в ИККИ работу в регионе, понимавший, что кубинская секция III Интернационала далека от того, чтобы считаться массовой партией (около 400 членов), и то, что «работа революционных профсоюзов весьма хромает», обозначил главную задачу РСС и Виво как ее генерального секретаря — справиться с этими «слабостями»⁴⁷.

Через короткое время в Нью-Йорк и Москву пришли сообщения о работе кубинской секции III Интернационала за подписью генерального секретаря ЦК РСС «Педрасы»⁴⁸. Причины избрания на эту должность именно Виво лежат на поверхности. Во-первых, внутри страны выбор был невелик, и искать нового руководителя партии требовалось за рубежом — из числа

политических эмигрантов. Во-вторых, среди гипотетических кандидатов, невзирая на все их достоинства, не оказалось ни одного, кто обладал бы таким опытом партийной и международной организационной работы, такими связями в компартиях США и Мексики, Карибском бюро Коминтерна, как Виво. В-третьих, из Нью-Йорка, где он жил и работал, перебраться на Кубу (легально или нелегально) было значительно легче, чем из любого другого места.

Деятельность кубинской секции III Интернационала под руководством Виво практически не изучена и требует специального исследования⁴⁹. Но уже сейчас можно сказать однозначно: этот период функционирования партии, следовательно, организаторская работа генерального секретаря, подготовили РСС к грядущим классовым битвам, первой из которых стала антимачадовская революция 1933 г. Виво применил стратегию партийного строительства, сформулированную Мельей: создание под эгидой партии многочисленных организаций — антиимпериалистических, студенческих, творческих, профсоюзных, молодежных и т.д., позволявших расширить влияние в массах.

Эти идеи вошли в программу действий, разработанную Карибским бюро (Buró del Caribe, BC) ИККИ и американской компартией для РСС в ноябре 1930 г. при участии Виво как руководителя регионального представительства SRI и кандидата в члены BC. «Выражение политической линии» РСС предусматривал энергичное руководство борьбой за реализацию требований рабочих масс и тактикой «единого фронта снизу», отвергая усилия по реализации единого фронта с реформистскими рабочими лидерами. Партия должна была концентрировать работу в базовых секторах экономики — среди рабочих сахарных плантаций, табачников, портовиков, транспортников и крестьян. В теоретическом плане «выражение» отменяло прежнюю концепцию, определявшую кубинскую революцию как пролетарскую и недооценивавшую роль крестьянства и мелкой городской буржуазии. Программа указывала на то, что кубинская революция находится на первом этапе буржуазно-демократической революции и поэтому протекает в форме антифеодальной и антиимпериалистической. Средствами достижения победы аграрной и антиимпериалистической революции должны были стать создание альянса рабочего класса и крестьянства, вовлечение бедных слоев мелкой городской буржуазии под гегемонию пролетариата и обеспечение руководства со стороны компартии. В ходе революции ставились следующие задачи: свергнуть империалистические власти; уничтожить феодальные (латифундистские) элементы и национальную буржуазию, связанную с ними; установить революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян на базе советов.

Гарантией перерастания этой революции в пролетарскую при поддержке мирового революционного движения и особенно «пролетарского движения США и революционного движения угнетенных народов Южной Америки и Карибского бассейна» авторы программы считали гегемонию в ней рабочего класса и руководящую роль коммунистической партии⁵⁰.

В период руководства Виво партией и в ходе «августовской революции» РСС из группы гаванских интеллектуалов и рабочих превратилась в организацию национального масштаба, в нее входил ряд местных организаций в разных частях страны. К середине 1933 г. в партии состояли около 2 тыс. членов, а к концу года она насчитывала, по разным оценкам, от 6 до 10 тыс. членов. До 6 тыс. человек выросла численность Лиги молодых коммунистов Кубы (Liga de los Jóvenes Comunistas de Cuba, LJC). Число членов CNOС определялось в 25 тыс.⁵¹ Массовой организацией было Левое студенческое крыло (Ala Izquierda Estudiantil, AIE), действовавшее под руководством коммунистов.

Кампания за освобождение Виво, руководителей CNOС Хоакина Ордоки и Сесара Вилара, лидера LJC Северо Агирре, арестованных в 1933 г., стала одним из побудительных мотивов массовых выступлений против диктатуры, переросших в августовскую всеобщую забастовку, принявшую такой размах, что правящий режим был вынужден пойти на переговоры с компартией и революционными профсоюзами. В это время вернувшийся из Москвы неформальный лидер РСС Мартинес Вильена предложил партийному руководству согласиться на уступки, предложенные Мачадо: выполнение экономических требований забастовщиков, признание демократических прав, легализация CNOС, компартии и других политических групп. По оценке автора фундаментального исследования истории революции 1933 г., секретаря ЦК РСС Лионеля Сото, «отношение Вильены к предложениям Мачадо отвечало классической схеме переговоров пролетарского организма с олигархическим правительством, которое еще нельзя свергнуть, — вынужденным договариваться с рабочим классом и уступать мобилизованной и боевой силе последнего, чтобы избежать полного поражения». Главный довод Вильены звучал так: «Лучше ослабленный Мачадо, чем интервенция»⁵². На заседании ЦК Рубен Мартинес Вильена заявил: «Стачка не имела своей целью свержение Мачадо. Если бы я знал, что Мачадо падет через два часа, я все же призвал бы рабочих к возвращению на работу, если бы мы добились удовлетворения требований. Для того, чтобы свергнуть Мачадо, необходима вооруженная сила. Его свергла вооруженная сила, а не стачка»⁵³. Эту позицию позже разъяснил Фабио Гробарт⁵⁴: лидеры партии пришли к выводу, что поскольку заменить диктатуру непосредственно на революционное рабочее правительство невозможно, борьба рабочего класса объективно сыграет на руку буржуазной оппозиции. Таким образом, был принят тезис о «меньшем зле», предусматривавший, что слабый Мачадо предпочтительнее более сильного буржуазного «сменщика» или прямой интервенции США⁵⁵.

Сторонники «товарища Рубена» действовали в соответствии со стратегией Коминтерна, еще в 1930 г. признавшего выдвинутую РСС идею «перманентной всеобщей забастовки» «отрыжкой анархистской и анархо-синдикалистской идеологии», «ошибкой, которая могла бы нарушить связь с массами и нанести рабочему классу сокрушительное поражение». Латиноамериканский лендер-секретариат ИККИ предостерегал кубинских товарищей от авантюры, «плохо подготовленного и лишённого перспектив путча, который мог привести к усилению репрессий и уничтожению партии»⁵⁶.

И вот в момент пика всеобщей забастовки, «когда уже можно было видеть, что массы, вышедшие на улицу в таком громадном количестве, не возвратятся обратно на фабрики только на основе подписания тех или других требований Мачадо, в этот момент товарищи получили телеграмму, в которой Коминтерн сообщал, что не надо делать «этой окончательной «распродажи» (продолжать забастовку. — В.Х., Л.Х.). Все это, по оценке делегата Профинтерна В.Ловского («Хуана»), послужило «в известной степени идеологической опорой для Рубена, который требовал от членов ЦК ограничить эту стачку, сделать все возможное, чтобы она была стачкой с исключительно экономическими требованиями»⁵⁷. При этом нельзя считать, что коммунисты испугались ответственности. Сторонники Мартинеса Вильены исходили из возможности взять власть там, где из-за бегства мачадистских губернаторов и муниципальных президентов «власть валяется на улице»⁵⁸.

В калейдоскопе событий было легко принять стратегически неправильные решения. Большинство членов ЦК, следуя за Мартинесом Вильеной, явно считали, что его позиция соответствует установкам Коминтерна. Парадоксально, однако, что стратегия международной компартии, разработанная для Кубы, противоречила позиции находившихся в этот момент на Кубе представителей Профинтерна, Карибского бюро Коминтерна и компартии США. Они считали необходимым продолжить давление на диктаторский режим и категорически возражали против возвращения забастовщиков на рабочие места.

Как докладывал В.Ловский при анализе «августовской ошибки» в Москве, «из всех членов ЦК только один товарищ Виво придерживался правильной линии. Но он не боролся за нее и не защищал ее. Вероятно, он несколько иначе ориентировался в ситуации, требовал продолжения стачки и придания ей политического характера. Он также допустил ряд ошибок технического характера, продолжал носить в своих карманах воззвание, которое должно было появиться в самый горячий момент, не исполнял самых элементарных демократических положений Секретариата, своей неорганизованностью настроил против себя всех руководящих товарищей ЦК, так что Рубену было легко требовать исключения Виво из партии»⁵⁹. Позднее, когда Виво окажется вне партии, его позиция во время обсуждения августовских ошибок будет оценена как «недостойная». Он, «будучи согласен с линией ЦК, впоследствии отрицал, что был с ней согласен»⁶⁰.

Противостояние Мартинеса Вильены и Виво во время августовской революции отражало сложность ситуации и противоречивость оценок и рекомендаций Коминтерна. Его представители, наблюдавшие за бурными событиями на Кубе и сами активно в них участвовавшие, в конечном итоге пришли к выводу, что Рубен «является одним из лучших, кто стоит на позициях Коминтерна». При этом и Виво оценивался как «ценный работник», считавший, что «на Кубе стоит вопрос о социалистической революции»⁶¹.

Можно согласиться с утверждением о том, что «власть валялась на улице». Революционный энтузиазм масс был очевиден. Но последующие события показали, что в стране на тот момент не было реальной политической силы, способной взять и удержать власть. Провозглашение «рабоче-крестьянского правительства» или «правительства Советов», возможно, добавило бы компартии политических очков, но привело бы к непредсказуемым последствиям. Именно этой неопределенности, скорее всего, и испугалось руководство РСС. Однако, следует признать и то, что именно «августовская революция» позволила кубинской секции Коминтерна из сектантской малочисленной группы превратиться в массовую организацию, неотъемлемую часть политической структуры страны, способную реально влиять на ситуацию. Но компартия была подготовлена к этой метаморфозе всей своей деятельностью в предыдущий период, реализацией идей Мельи, в значительной мере осуществленных под руководством генерального секретаря «товарища Пабло» («Педрасы»).

Первоначально главным виновником «августовской ошибки» в Коминтерне считался Мартинес Вильена. Некоторые эксперты ИККИ по латиноамериканским вопросам даже прогнозировали его возможный выход из партии, считая, что «он никого бы за собой не увлек. Большая часть центрального комитета твердо стоит на защите линии Коминтерна», готова «исправить те ошибки, которые были допущены во время дискуссии по директивам Коминтерна»⁶². Позже ответственным за определение стратегии и тактики РСС, не позволившей партии воспользоваться уникальными

возможностями, возникшими у нее на гребне грандиозного успеха антима-чадовской революции, был объявлен Виво.

Мартинес Вильена умер в январе 1934 г. и уже одно это обстоятельство вы-водило его за рамки критического анализа. Более того, он наряду с Мельей, не-сомненно, стал для партии культовой фигурой. Не надо забывать и другого чисто человеческого фактора — именно он предложил на пост генерального секре-таря РСС Бласа Року, четверть века стоявшего во главе партии.

Опыт Виво также был необходим партии. Несмотря на критическое отноше-ние к нему, в руководстве его считали «самоотверженным и работоспособным» и отмечали, что он «не перестал делать свою работу, несмотря на реальную уг-розу смерти со стороны членов АВС, входившей тогда в правительство»⁶³.

Поэтому он остался членом Политбюро в реорганизованном ЦК, возглавил профсоюзную работу (одновременно был секретарем коммунистической фрак-ции CNOС) и Портовое бюро ЦК. По поручению ЦК РСС руководил подготов-кой IV Конгресса CNOС (конгресс профсоюзного единства) (1934 г.)⁶⁴. Он вы-ступил с докладом о профсоюзной работе на Втором съезде партии, на котором переизбран членом ЦК. Но с этого момента между бывшим и новым генераль-ными секретарями партии начались разногласия. По оценке представителя РСС в ИККИ Сесара Вилара, «после того как генеральным секретарем стал Блас Ро-ка, Виво постоянно вел против него борьбу»⁶⁵.

По поручению Карибского бюро Коминтерна он посетил Пуэрто-Рико для разрешения кризиса в недавно созданной компартии. Одним из важ-нейших результатов работы Виво на оккупированном со времен испано-американской войны США карибском острове стал прием партии в III Ин-тернационал. После этого в августе 1934 г. выехал в Москву для участия в VII конгрессе Коминтерна, но смог добраться до СССР только в конце го-да, опоздав на III конференцию компартий Южной и Карибской Америки*. Критика в адрес Виво, прозвучавшая при разборе «августовской ошибки», не отразилась на высокой оценке его личности в лендер-секретариате Юж-ной и Центральной Америки ИККИ, и в первую очередь, его руководи-телем де-факто — Г.Б.Скаловым (Синани). Кубинец принимал участие в ра-боте регионального центра Коминтерна и по поручению секретариата ор-ганизовал кружок для повышения уровня теоретической подготовки латино-американских делегатов VII конгресса. Вместе с Бласом Рокой и Исидоро Фи-героа он с правом решающего голоса представлял кубинскую секцию на кон-грессе Коминтерна, ставшем последним в его истории, и выступал на пленар-ном заседании под псевдонимом «Марин». На основании решения Коминтерна вернулся на Кубу в декабре 1935 г. и продолжил работу в Политбюро РСС.

В 1937 г. Виво поддержал Мартина Кастельяноса, претендовавшего на пост генерального секретаря партии, и был выведен из Политбюро ЦК. Объясняя руководству ИККИ это решение, бывшие товарищи по партии приписали ему все мыслимые и немыслимые грехи. Его обвиняли в том, что он создал в партии террористическое течение, проявившееся в момент спада движения. Что касается профсоюзного вопроса, он обвинялся в «ус-тупках реформистским элементам и иллюзиях по поводу министерства труда, которые практически привели к ликвидации CNOС как массовой организации»⁶⁶. Для завершения картины идейного падения бывшего лиде-ра партии ему инкриминировалось «несогласие с политикой СССР по во-просу об Испании».

* Сроки проведения конгресса были перенесены, и руководство Коминтерна решило провести конференцию с уже прибывшими в Москву делегатами латиноамериканских ком-партий. В сообщениях о конференции писали, что она проходила в Монтевидео.

Несогласие Виво с этими оценками Политбюро было расценено как оскорбление руководства партии. Следующим шагом стало его исключение из ЦК и решение направить «на работу в первичную организацию». Виво не принял такой вердикт и заявил о желании переехать за границу. Политбюро запретило ему уезжать, однако он, нарушая партийную дисциплину, все же отправился в Мексику. О сложившейся ситуации РСС проинформировала мексиканских и американских коллег. Кубинские коммунисты предупреждали единомышленников за рубежом о том, что «сохранивший мелкобуржуазные пережитки» Виво «уверен, что должен быть генеральным секретарем партии. Его раздражает, что другие могут влиять на партию и массы больше, чем он. Пребывание Л.Троцкого в Мексике и положение в мексиканской партии могут способствовать его переходу на сторону контрреволюции»⁶⁷.

Два обвинения из длинного списка на первый взгляд выглядят по меньшей мере абсурдно: «террористическое» направление в деятельности партии и возможное присоединение к троцкизму. Как можно было предъявлять подобные претензии человеку, возглавлявшему «антипутчистское течение» в колумбийской партии, критиковавшему «гарibaldiйский путь» PRV, последовательно боровшегося против «хункистов» — кубинских последователей Троцкого? В 1937 г. было возможно все. После поражения восстания Национально-освободительного альянса под руководством Луиса Карлоса Престеса в Бразилии, причины которого в Москве в значительной мере списывали на «провокацию», и начала «московских процессов», любое, самое невероятное обвинение принималось на веру.

Но даже информируя Коминтерн о деле Виво, представитель РСС при ИККИ вынужден признать: «Во время его пребывания на посту генерального секретаря партия прошла серьезный путь развития и укрепила свои позиции по всей стране»⁶⁸.

Получив возможность присутствовать на съезде РСМ в январе 1937 г., Виво попытался убедить в своей правоте ее руководителей и «братского делегата» компартии США Джеймса Форда, хорошо знакомого с ситуацией на Кубе⁶⁹, рассказывая об ошибках Компартии Кубы и Бласа Роки. Американец, однако, встал на сторону РСС. Его мотивы понятны: в споре между руководством находившейся на подъеме партии и ее бывшим генсеком, коллеги по Коминтерну предпочли поддержать РСС, пожертвовав неординарной личностью Виво. Для него же такое отношение старых товарищей по классовой борьбе стало жестоким уроком, раз и навсегда отвратившим от участия в политической деятельности. Но этим наказание экс-генсека РСС за инакомыслие не ограничилось.

Главный удар был нанесен неожиданно и не был напрямую связан с политикой. В марте 1939 г. Виво обратился в Исполком МОПР с просьбой помочь в воссоединении с сыновьями Хорхе и Альдо, обучавшимися в СССР⁷⁰, отметив, что получил соответствующие разрешения ЦК РСС и РСМ. Он писал: «Я хочу, чтобы мои сыновья вернулись и как можно скорее выучили испанский язык»⁷¹. Судя по всему, центральный офис МОПР даже не ответил бывшему руководителю своего Карибского бюро.

Тем не менее, встреча состоялась, но спустя годы и только с одним из сыновей. Ставшие советскими гражданами и комсомольцами, братья Виво в первые дни Великой Отечественной войны добровольцами вступили в Красную Армию. Младший — Альдо — был разведчиком морской пехоты на Невском пятачке, ходил в тыл гитлеровских войск для захвата «языков». По одной из версий, в конце 1941 г. группа, в которую входил кубинский доброволец, возвращаясь с задания, была атакована немецким самолетом.

Альдо Виво погиб и был похоронен на братском кладбище в Невской Дубровке⁷². Хорхе был включен в отряд особого назначения капитана Ивана Бородулина, воевал на ближайших подступах к Ленинграду, был тяжело ранен и эвакуирован из находившегося в блокаде города⁷³.

Находясь в Средней Азии с 1942 по 1944 г., Хорхе-младший получил через МОПР телеграмму с адресом отца, но не смог с ним связаться. И только в 1945 г. через посольство в Москве он узнал о возможности выехать в Мексику. Сотрудница SRI, прояснявшая с ним вопросы, связанные с перспективой отъезда, спросила, почему тот хочет уехать к отцу. Ответ в ее записи звучал так: «Еще до войны отец добивался приезда сына к нему, но тот по малолетству не знал, как получить разрешение на выезд из СССР, хотя сам хотел поехать». Поняв, что МОПР не выделит средств на поездку, Хорхе-младший решительно заявил, что хочет получить разрешение на выезд и визу, а деньги достанет сам⁷⁴. В Мексике он стал инженером, работал в государственной нефтяной компании «Петех». В связи с 40-й годовщиной Победы братья Виво и еще один кубинец — участник Великой Отечественной войны Энрике Вилар были награждены советскими орденами (Хорхе — орденом Отечественной войны II степени, Альдо и Энрике (посмертно) — орденом Отечественной войны I степени). Государственный совет Республики Куба посмертно наградил Альдо Виво и Энрике Вилара орденами Эрнесто Че Гевары первой степени⁷⁵.

Хорхе Виво Лаурент участвовал в праздновании Дня Победы, впервые за 40 лет приехав в СССР⁷⁶, а в 1986 г. был приглашен Кубинским институтом дружбы народов на мероприятия, посвященные XXXIII годовщине штурма казарм Монкады⁷⁷.

В Мексике для Хорхе Виво-старшего началась новая жизнь. Уйдя из политики, он со всей страстью окунулся в науку, в 1939 г. стал профессором Национального автономного университета Мехико (Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM), позднее — заведующим департаментом географии университета. Виво — один из основателей Мексиканского общества антропологии, директор «Анналов Национального музея археологии, истории и этнологии» (1936—1940). С 1938 г. он работал директором библиотеки Панамериканского института географии и истории в Мехико и координировал издательскую деятельность института, руководил изданием «Географического ежегодника» (1961—1979) и «Анналов географии» (1975—1979).

В 1951 г. ученый защитил магистерскую диссертацию по этнологии («Интеграция Чьяпаса в мексиканскую нацию»), а еще через год — по географии («Экономическая и демографическая география Чьяпаса»). В 1956 г. он получил докторскую степень.

Его перу принадлежат многочисленные труды, в том числе «Индийские расы и языки Мексики» (1941), монография «География Мексики», которая была издана в СССР⁷⁸. Географию доктор Виво воспринимал как социальную науку, тесно связанную с деятельностью людей. Уход из политики для кубинца вовсе не означал полного забвения идейных постулатов, которым он отдал полтора десятка лет своей жизни, что было прекрасно известно его друзьям, коллегам и ученикам. Это было крайне важно, ибо влияние доктора Виво на мексиканскую географическую науку с начала 1950-х годов оказалось довольно значительным и способствовало серьезному увеличению количества работ, затрагивающих социальные вопросы. Методология географических исследований, предложенная кубинцем мексиканскому научному сообществу, доминировала на IV—VII национальных конгрессах географов, организованных при его участии и под его идейным

влиянием⁷⁹. Его идеи стали достоянием и международной научной общественности. Доктор Виво представлял мексиканскую школу на Всемирных конгрессах географов, начиная с XVII конгресса, проходившего в Вашингтоне (1952 г.). В 1976 г. для участия в XXIII конгрессе он приехал в Москву.

Усилиями профессора Виво Департамент географии и истории факультета философии и литературы университета был преобразован в Географический колледж с трехуровневой системой подготовки специалистов (лиценциат, магистратура и докторантура).

Разрыв с коммунистическим движением для ученого оказался полным и бесповоротным. Не принял он и кубинскую революцию 1959 г. Как вспоминала его дочь Шочитль, Хорхе Виво д'Эското был твердо уверен: главную роль в победе революции сыграло студенческое движение, а не повстанцы под руководством Фиделя Кастро и тем более не коммунисты⁸⁰.

Умер известный мексиканский исследователь — почетный профессор UNAM, доктор права и географии, магистр антропологии, лингвистики, этнологии, бывший активист нескольких левых партий Латинской Америки, преданный забвению своей партией, генеральный секретарь «первой марксистско-ленинской партии Кубы» 13 июля 1979 г. в Мехико.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Conversando con Blas Roca. — Granma. La Habana, 22.VII.1978.

² Исидро Фигероа Ботемпо (он же «Сампедро», «Эдмундо Сампедро», «Сан-Педро», «Луис Гранда», «Грау»). Учился в UR. Член ЦК Лиги молодых коммунистов и РСС. В 1930—1933 гг. был заместителем генерального секретаря, членом Политбюро, заведующим организационным и профсоюзным отделами ЦК РСС, руководителем партийного комитета Гаваны. После ареста Х.Виво, С.Вилара, Х.Ордоки 1 марта 1933 г. входил в руководящую группу партии (вместе с Р.Николау, С.Паскуаль и др.). Исполняющий обязанности генерального секретаря ЦК РСС (1933 г.). В период августовской революции вместе с Виво, Виларом, Ордоки осуществлял оперативное руководство действиями партии. На декабрьском пленуме ЦК избран членом Политбюро и железнодорожного бюро ЦК, генеральным секретарем комитета РСС Гаваны. Был женат на Лоло де ла Торриенте, «находившейся в партии под подозрением», позже разошелся с ней. Подробнее см.: L.J e i f e t s, V.J e i f e t s, P.H u b e r. La Internacional Comunista y América Latina, 1919—1943. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004, p. 110—111.

³ Ее ядро составляли Р.Мартинес Вильена, Ф.Лисасо, Х.А.Фернандес де Кастро, Э.Роиг де Леученриг и другие. См.: A.C a i r o. El grupo minorista y su tiempo. La Habana, 1978, p. 22.

⁴ На первом международном конгрессе студентов (Мехико, 1921 г.) прозвучали требования расширить доступ в университеты, внести поправки в содержание учебных программ, предоставить автономию вузам и создать народные университеты. См. J.C.P o r t a n t i e r o. Estudiantes y política en América Latina. El proceso de la reforma universitaria (1918—1938). México, 1978, p. 191—196.

⁵ Ch.H a t z k y. Julio Antonio Mella. La Habana, 2009, p. 97—98.

⁶ A.R i v e r o C a r o. El Gobierno de Zayas (1921—1925). Cuba 100 Años Después. — <http://www.contactomagazine.com/zayas100.htm>

⁷ Daily Worker. New York, 26.V.1927.

⁸ Письмо КПК членам ЦК КПМ. Гавана, 31 мая 1926 г. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 595. Оп. 105. Д. 2. Л. 44—46. Подробнее о деле Мельи см.: В.Л.Х е й ф е ц, Л.С.Х е й ф е ц. Обвиняется Хулио Антонио Мелья. — Латинская Америка, 1999. № 7—8. С. 64—89; L.J e i f e t s, V.J e i f e t s. Comunismo en Cuba y México Memoria. — Boletín de CEMOS. México, 2010, No. 2 (240), p. 43—47.

⁹ Х.Виво входил в Социалистический клуб Гаваны (Club Socialista de La Habana), с 1925 г. был его генеральным секретарем.

¹⁰ Основана в августе 1925 г.

¹¹ Письмо ЦИК КПК Центральному исполнительному комитету Коммунистического Интернационала. Гавана, 29 мая 1927 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 105. д. 8, л. 13.

¹² См. L.Jeifets, V.Jeifets, P.Huber. La Internacional Comunista y América Latina, 1919–1943. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004, p. 333.

¹³ J.Pakkasvirta. Un continente, una nación? Intelectuales latinoamericanos, comunidad política y las revistas culturales en Costa Rica y en el Perú (1919–1930). Helsinki, 1997, p. 137; R.Cerdas Cruz. La hoz y el machete. La Internacional Comunista, América Latina y la Revolución en Centroamérica. San José, 1986. P. 318. Можно считать, что Народная партия была предшественницей Коммунистической партии Коста-Рики, основанной в 1931 г., участвовавшей в выборах на протяжении 1930-х годов и сумевшей завоевать несколько мест в общенациональном парламенте и ряде муниципалитетов, а также сформировать важную базу поддержки среди городских наемных работников и трудящихся банановых плантаций. См.: I.Molina, S.Palmer. Historia de Costa Rica. San José, 2009, p. 87.

¹⁴ Reflexiones que debe hacerse el obrero costarricense. — La Lucha. No. 2 (1927), p. 2. Цит. по: J.Pakkasvirta. Op.cit.

¹⁵ См. Письмо Х.Виво в Профинтерн. Сан-Хосе, 3.II.1928. — РГАСПИ, ф. 534, оп. 7, д. 78, л. 1–2; Письма Х.Виво О.Эркле. 19.II.1928. — Там же, л. 5–6; Письмо Интернационального Секретариата УВКТ (Латинское бюро Профинтерна) Хорхе Виво. 9.XI.1927. — Там же, оп. 6, д. 98, л. 1–2.

¹⁶ В опубликованных документах конгресса Профинтерна — Жорж Виво, Жорж Ниво.

¹⁷ Во всяком случае этот факт не отражен в его личном деле, хранящемся в РГАСПИ (в том числе в автобиографии, написанной для отдела кадров Исполкома Коминтерна).

¹⁸ См. L.A.Núñez Espinel. El obrero ilustrado: prensa obrera y popular en Colombia, 1909–1929. Bogotá, 2006; M.Archila. La Humanidad, el periódico obrero de los años veinte. — Boletín cultural y bibliográfico. Vol. XXII. No. 3. Bogotá, 1985.

¹⁹ Ассоциация была основана в 1928 г. в Мексике Мельей, который был генеральным секретарем ее центральной делегации.

²⁰ Забастовка более чем 32 тыс. рабочих на плантациях «United Fruit Co», проходившая под руководством PSR (1928). Вскоре после ее начала в «банановую зону» были введены войска, стрелявшие в рабочих. Расстрел забастовщиков, описанный позднее Г.Гарсиа Маркесом в романе «Сто лет одиночества», привлек к «банановой забастовке» внимание международного сообщества.

²¹ K.Meschkaty J.M.Rojas. Liquidando el pasado. La izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética. Bogotá, 2009, p. 374, 432, 464–471.

²² Доклад о профессиональном и политическом движении Колумбии и Эквадора, резюмирующий и дополняющий предыдущие доклады. [19.VII.1929 г.]. — РГАСПИ, ф. 534, оп. 4, д. 292, л. 269.

²³ Informe sobre el partido apócrifo de Cuba. México, 28 de Noviembre de 1929. — Там же, ф. 495, оп. 105, д. 20, л. 121.

²⁴ J.A.Vivo Escoto. В Москве — Марин. Автобиография. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 230, д. 134, л. 41.

²⁵ Informe sobre el Primero de Mayo y el Congreso de Montevideo. Habana 15 de mayo de 1929. — Там же, л. 47–50. Член Центрального Совета Профинтерна А.Баррейро и кандидат в члены ЦС С.Хунко, активно участвовавшие в подготовке континентального профсоюзного конгресса, все-таки выехали в Монтевидео, а затем представляли РСС на Первой конференции компартий в Буэнос-Айресе. После прямого вмешательства делегата Профинтерна Э.Ньюди («Орестеса») и его переводчика «Хорхе Паса», остановившихся в Гаване по дороге в Монтевидео, партия направила для участия в континентальных форумах Хосе Педро Лопеса («Рамиро Рамиреса»). После возвращения на Кубу 4 августа был арестован и помещен на судно «Максимо Гомес» для депортации в Испанию. См. A.Rojas Blaquiere. Primer Partido Comunista de Cuba. Sus tácticas y estrategias. 1925–1935. Tomo I. Santiago de Cuba, 2005, p. 96–97.

²⁶ Embajada de Cuba a Secretaría de Gobernación de México. 30 de abril de 1929. — Archivo General de la Nación (AGN), Ramo IPS, vol. 33, exp. 41, f. 30.

²⁷ Informe de la agente num. 20 del Departamento Confidencial de la Segob al Jefe del Departamento sobre las actividades de los elementos comunistas en Mexico. México, D.F., a 29 de agosto de 1929. — AGN, Ramo IPS, vol. 61, exp. 15, f. 124. Арестованного в 1929 г. комсомольца Сатурнино Ортегу расспрашивали о его связях, закупках оружия. Полиция также пыталась выяснить подробности о деятельности Х.Виво. — Declaración de Saturnino Ortega de 20 años de edad, de la ciudad de México, soltero, con domicilio en la calzada Gorostiza No. 31 Interior 61, vive con su madre y sus hermanos, estos últimos con domicilio en Chizalpoepca

144. — AGN. R.P.O r t i z R u b i o, Año 1930, exp. 168A, foja s.n. Впрочем, никакой конкретной информации о Виво в ходе допросов Ортеги полицейские не получили. То, что тот эмигрировал с Кубы, им и так было известно, а заявление комсомольца о простом членстве кубинца в партии не соответствовало действительности.

²⁸ Подробнее см.: J.W.D u l l e s. Ayer en México. Una crónica de la Revolución (1919—1936). México, 1977, p. 355—356; T.M e d i n. El minimato presidencial: historia política del maximato, 1928—1935. México, 1985.

²⁹ Так, в открытом письме «О правой опасности» Латиноамериканского секретариата ИККИ коммунистическим партиям Латинской Америки, опубликованном 20 сентября 1929 г. в журнале «La Correspondencia Sudamericana», утверждалось, что «мелкобуржуазная терпимость должна искореняться со всей энергией». Цит. по: Н.И.К а л м ы к о в. Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке. — История Коммунистического Интернационала. 1919—1943. Документальные очерки. М., 2002, с. 393.

³⁰ Министр внутренних дел правительства П.Э.Кальеса. После убийства А.Обрегона — временный президент Мексики (1928—1930 гг.).

³¹ Informe de la Agente núm. 20 al Jefe del Departamento Confidencial de la Secretaría de Gobernación sobre domicilios de los comunistas en México, D.F., 30 de septiembre de 1929. — AGN. DIPS. Vol. 61. Exp. 15. F. 128. В ходе одного из расследований агентам удалось выявить местожительство члена Исполкома Карибского секретариата МОПР перуанца Хакобо Гурвица, а также установить пребывание в Мексике делегата Коминтерна М.Грольмана. Они, однако, не сумели идентифицировать его, поняв лишь, что речь идет о «русском по имени Педро». В декабре 1929 г. за решеткой оказались русский Юлий Розовский, граждане Румынии Давид Гальперин, Файре Соловейчин и Фраин Протот, граждане Польши Абрахам Голдфедер и Хана Домовска, кубинцы Мануэль Котоньо, Алехандро Баррейро, Фернандо (Сандалио) Хунко, аргентинец Луис Иполито Эчевере. — Relación que manifiesta los Comunistas extranjeros, que se ponen a disposición de la Secretaría de Gobernación para que sean expulsados del País. México, 27 de diciembre de 1929. — AGN. R.P.O r t i z R u b i o. Año 1930. Exp. 168 A.

³² Отчет о последних работах секции Карибского Секретариата МОПРа. 23.1.30. — РГАСПИ, ф. 539, оп. 3, д. 218, л. 23; Resolución del Comité Central del Partido Comunista de Mexico sobre el SRI. 1 de febrero de 1930. — Там же, ф. 495, оп. 108, д. 128, л. 19; Hernán Laborde al CC del PC de los EE.UU., a 16 de abril de 1930. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 133, л. 32.

³³ Report of Comrade Vivo from the Mexican CP to Secretariat of the CPUSA, March 15, 1930. — Там же, ф. 495, оп. 108, д. 133, л. 22.

³⁴ Там же, л. 24.

³⁵ Vida Obrera, 10 de noviembre de 1930. Паскуаль Ортис Рубио — президент Мексики в 1930—1932 гг.

³⁶ Contra el Confusionismo Stalinista. — Claridad. Boletín de la Oposición de Izquierda. Núm. 3. 16 de noviembre de 1930. p. 4, 6—7.

³⁷ Sesión ampliada del Comité Central del Partido Comunista de Cuba (sección de la I.C.) celebrada el 24 de septiembre de 1932. — РГАСПИ, Ф. 495, оп. 105, д. 50, л. 10—21. На расширенном пленуме ЦК КПК (24 сентября 1932 г.) Хунко и М.Гарсиа Вильярель были исключены из партии и создали Бюро коммунистической оппозиции (Oposición Comunista, OC), позднее преобразованное в Большевицкую ленинскую партию (Partido Bolchevique Leninista, PBL).

³⁸ Письмо Г.Мачадо Э.Лаборде. Париж, 1 июня 1930. — Там же, ф. 495, оп. 108, д. 134, л. 23.

³⁹ Диктатор Венесуэлы с 1908 по 1935 г.

⁴⁰ Х.А.М е л ь я. Информация о Всеамериканской антиимпериалистической лиге. Москва, 25 марта 1927 г. — Там же, ф. 495, оп. 18, д. 604, л. 7; Письмо ЦК КПМ Латиноамериканскому Секретариату Коминтерна 14.7.1928 — Там же, оп. 108, д. 84, л. 42—42; CEMOS. Colección PCM. Caja 3. Folio 17. F.1.

⁴¹ Резолюция мексиканской коммунистической партии по венесуэльскому вопросу (в связи с письмом, направленным Латиноамериканским Секретариатом ИККИ венесуэльским коммунистам). Мехико, 16.4.1929. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 102, л. 1—2.

⁴² Resolución del Comité Central del Partido Comunista de México sobre el PRV y los comunistas venezolanos miembros del PRV, México, febrero de 1930. — Цит. по: G.G a r c í a P o n s e. Memorias de un general de la utopía. Caracas, 1992. p. 184—185.

⁴³ Находясь в эмиграции на Кубе в 1925 г., братья Мачадо и С. де ла Пласа вместе с Виво входили в Комитет за освобождение Мельи, работали в УР и Антиимпериалистической лиге.

⁴⁴ Письмо генерального секретаря Карибского Бюро МОПР Хорхе А.Виво Сальвадору де ла Пласа. Нью-Йорк, 27 января 1931 г. — Там же, ф. 495, оп. 104, д. 55, л. 2; Письмо генерального секретаря ЦК КПК Л.Миранды Центральному Комитету Коммунистической партии Америки. 29 марта 1930. — Там же, ф. 495, оп. 105, д. 33, л. 10.

⁴⁵ Генеральный секретарь РСС Х.Вальдес («Грегорио Кортина»), Ф.Гробарт («Отто Модли»), Х.Рего, Ф.Родригес Абаскаль, Х.Вонг (последний — руководитель китайской группы РСС — был позднее убит полицией). — *Represión fascista del Gobierno (últimos acontecimientos)*. — Там же, ф. 495, оп. 105, д. 31, л. 55.

⁴⁶ Письмо заместителя заведующего Латиноамериканским секретариатом ИККИ Синани в МОПР, Стасовой. — Там же, ф. 495, оп. 105, д. 38, л. 7.

⁴⁷ Письмо Зам. Заведыв. Латиноамериканским секретариатом ИККИ Синани /Скалова Г.Б./ тов.Пятницкому, в Политкомиссию [ИККИ]. 22 сентября 1931 г. — Там же, л. 12.

⁴⁸ В сентябре 1931 г. он был кооптирован в ЦК и избран генеральным секретарем РСС. — J.A.Vivo Escoto. В Москве — Марин. Автобиография. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 230, д. 134, л. 46.

⁴⁹ Даже в самой подробной работе по истории «первой марксистско-ленинской партии Кубы» Анхелины Рокас Блакиер этот период освещен крайне конспективно, а роль генерального секретаря партии и вовсе не выделена, хотя глава, посвященная 1930—1933 гг., когда во главе РСС находился Х.Виво, называется «РСС во время подъема народного движения». — A.Rojas Blaquier. *Op. cit.*, p.117—198. Кубинская исследовательница часто упоминает Виво и «Педрасу», но не ставит знак равенства между этими персонажами. Не идентифицированы в книге и представители Профинтерна «Хуан» и «Орестес», хотя в научной литературе эта работа проделана. Речь идет о поляке Витольде Ловском (М.Михровском) и итальянце Эннио Ньюди. — L.Jeifets, V.Jeifets, P.Nuber. *Op. cit.*, p. 184, 332—334.

⁵⁰ L.Soto. *La revolución del 33*. Tomo 2. La Habana, 1979, p. 164.

⁵¹ Протокол обсуждения «августовской ошибки» в Лендер-секретариате Южной и Центральной Америки ИККИ (1934 г.). — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 196, л. 39; Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом. (Материалы). М., 1935, с. 413.

⁵² L.Soto. *Op. cit.*, tomo 2, p. 376—379.

⁵³ Протокол обсуждения «августовской ошибки», л. 48.

⁵⁴ Гробарт, Фабио (1905—1994). Один из основателей и руководителей РСС. Президент Института истории коммунистического движения и социалистической революции при ЦК РСС (1973—1987).

⁵⁵ F.Grobart. *The Cuban Working Class Movement from 1925 to 1933 // Science and Society*. Vol. 39. 1975, p. 99. — Цит. по: G.Tenant. *The Hidden Pearl of the Caribbean. Trotskyism in Cuba*. — *Revolutionary History*. Volume 7. No. 3. Porcupine Press, Socialist Platform Ltd., p. 21.

⁵⁶ Письмо Латиноамериканского лендер-секретариата Коминтерна ЦК КП Кубы. Москва, 1930. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 105, д. 28, л. 34—35.

⁵⁷ Протокол обсуждения «августовской ошибки», л. 45—46.

⁵⁸ Там же, л. 54.

⁵⁹ Там же, л. 46—47.

⁶⁰ G.Perez [C.Vilar]. Seudónimo Pablo. Nombre Jorge Vivó. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 230, д. 134, л. 27 об.

⁶¹ Протокол обсуждения «августовской ошибки», л. 57—58.

⁶² Там же, л. 48.

⁶³ G.Perez [C.Vilar]. Seudónimo Pablo. Л. 27 об. Партия ABC была создана на базе тайной террористической организации, основанной на Кубе в конце 1931 г. и оппозиционной по отношению к правительству Х.Мачадо. РСС осуществила ряд терактов против диктатуры. РСС Коминтерн считал партией фашистского толка. Х.А.Табарес. Кубинская революция 30-х годов, ее последние два года. М., 1974, с. 135—147.

⁶⁴ По оценке Ловского, во время своего выступления на профсоюзном форуме Б.Рока допустил грубейшую ошибку, «указав на необходимость того, чтобы за каждого убитого рабочего пал солдат. Он следовал примеру рабочих сахарного завода Соледад, где именно так и происходило». Такая позиция могла привести к жесткой конфронтации рабочего движения с вооруженными силами и была подвергнута критике руководителями РСС на самом конгрессе и в партийной прессе. — Протокол обсуждения «августовской ошибки», л. 31—32.

⁶⁵ G.Perez [C.Vilar]. Seudónimo Pablo. Л. 27.

⁶⁶ Так руководство партии оценило в тот момент линию, начатую конгрессом «профсоюзного единства» 1934 г. и завершившуюся в 1939 г. созданием Конфедерации трудящихся Кубы (*Confederación de Trabajadores de Cuba*, CTC), самого мощного объединения кубинских трудящихся.

Коминтерн расценивал итоги конгресса противоречиво. Успехом считался его представительный состав (2 тыс. делегатов от 426 тыс. рабочих, принадлежащих к революционным и реформистским профсоюзам). При этом отмечалось, что «компартия допустила ошибку, не использовав конгресса для установления действительного профсоюзного единства на Кубе. Партия еще не развернула достаточной работы внутри существующих реформистских профсоюзов». — Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом. (Материалы). М., 1935, с. 416. Но это была оценка деятельности всей партии, а не только руководителя ее профсоюзной деятельности.

В Лендер-секретариате Южной и Центральной Америки ИККИ должны были хорошо помнить доклад того же С.Вилара (1934 г.), в котором говорилось: «Для руководства проведения IV съезда Конфедерации ЦК партии образовал комиссию, в которую вошел полностью секретариат партии, секретари и руководящие работники комфракции Исполкома конфедерации и представители крупных комфракций важнейших профсоюзов и объединений. Все эти руководители отдельных фракций, плюс руководящие работники ЦК и т.д. собирались не только перед всяким заседанием съезда, но ежевечерне обсуждали все вопросы». — Протокол обсуждения «августовской ошибки»..., л. 30.

В последующем марксистская историография политику конгресса Профсоюзного единства однозначно оценивала как успешную, а ее инициатором и вдохновителем считала Р.Мартинеса Вильену. См., например: Л.Ю.С л е з к и н. История Кубинской Республики. М., 1966, с. 237; В.Л и с т о в. Рабочее сердце Гаваны. Очерки истории рабочего и профсоюзного движения на Кубе (1917—1985 гг.). М., 1987, с. 153—157; E. T e l l e r í a. Los congresos obreros en Cuba. La Habana, 1984, p. 199—276.

⁶⁷ G. P é r e z [C. Vilar]. Seudónimo Pablo. Л. 27 об. Речь идет о трениях между компартией Мексики и Конфедерацией трудящихся Мексики (*Confederación de Trabajadores de México*, CTM), ряд руководящих постов в которой оспаривали между собой коммунисты и ломбардисты.

⁶⁸ Там же, л. 27.

⁶⁹ Форд был членом Негритянского бюро Восточного лендер-секретариата ИККИ, кандидатом в члены ИККИ. Участник Франкфуртского антиимпериалистического конгресса. В 1932 и 1936 гг. — кандидат в вице-президенты от компартии США. Делегат американской компартии и революционных профсоюзов США на похоронах Р.Мартинеса Вильены и Конгрессе профсоюзного единства (январь 1934 г.).

⁷⁰ Виво сочетал активную политическую деятельность с бурными романтическими приключениями. В 16 лет он женился на Сильвии Лаурент, которая еще до вступления в брак родила сына Хорхе. С первой женой, матерью его троих детей, у него были политические разногласия. Когда при возвращении на Кубу в 1931 г. он попытался восстановить семью, Сильвия, находившаяся под влиянием отца-мачадиста, поставила невыполнимое условие: «с коммунизмом или с ней». В будущем Виво твердо выдерживал идейные принципы в своих отношениях с женщинами. Он удивительно откровенен в автобиографии, написанной для отдела кадров ИККИ: в Колумбии была подруга — член PSR Мария Перес, в США — член компартии (ее имени он не называет, но пишет, что она оставила его). На Кубе с 1923 до августа 1934 г. он жил с Кармен Бланко, входившей в РСС, в СССР — с комсомолкой Верой Орловой. В эмиграции в Мексике Виво вступил в брак с бывшей женой И.Фигероа — Лоло де ла Торриенте, впоследствии известной политической деятельницей и писательницей. См. J. A. V i v o E s c o t o. Op. cit., Л. 36—47; L. d e l a T o r r i e n t e. Testimonio desde dentro. La Habana, 1985, p. 339—341. Несмотря на столь бурную жизнь, он не забывал о своих детях. Каким-то образом Виво удалось уговорить Сильвию Лаурент отпустить сыновей на учебу в СССР. Младший сын прибыл в Москву с первомайской делегацией Кубы, в которую входил генеральный секретарь CNOС С.Вилар и член ИК Антиимпериалистической лиги Х.Вальдес Родригес. Советская пресса писала: «С ними приехал в СССР сын известного в странах Латинской Америки революционера Хорхе Виво, скрывающегося от полиции. 10-летний мальчик Альдо Виво будет воспитываться в интернациональном детском доме им.Стасовой в Иваново-Вознесенске». — Ленинградская правда, 27 апреля 1934 г. Старший сын Хорхе прибыл в июне 1935 г. на судне «Рейна дель Пасифико» вместе с делегатами РСС на VII конгресс Коминтерна Б.Рокой («Маркосом Диасом») и И.Фигероа («Луисом

Грандой»). — R.García Riveron, J.Alonso Padilla. Ellos sintieron el deber de luchar. — Granma, 27.XII.1984.

⁷¹ Письмо Хорхе Виво в ИК МОПР. Мехико. 29 марта 1939 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 230, д. 134, л. 26.

⁷² См. R.García Riveron, J.Alonso Padilla. Op. cit.

⁷³ I.Vasilkova. Ellos defendieron Leningrado. México, s.d, p. 24—28

⁷⁴ Отчет о беседе с Хорхе Виво для уточнения ряда неясных мест в анкете и автобиографии. 19.IX.45. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 230, д. 134, л. 10.

⁷⁵ Правда, 21.II.1985, 5.IX.1985; Granma, 9.III.1985; Granma, 8.III.1985.

⁷⁶ Авторам удалось тогда встретиться с Хорхе Виво в Ленинграде.

⁷⁷ Granma, 23.VII.1986. Подробно о кубинцах-участниках войны писали журналы «Латинская Америка», «Куба», кубинская пресса. Об их отцах — Хорхе Виво и Сесаре Виларе — в многочисленных публикациях, в лучшем случае, только упоминали.

⁷⁸ El Método Conexivo Dialéctico en la Investigación de la Antropogeografía, 1939; Razas y lenguas indígenas de México, 1941; Geomorfología de El Sumidero y la Región Central de Chiapas, 1971; La Depresión Chapala-Acambay, México Oriental, 1972; El Terremoto del 23 de Diciembre de 1972 en la Ciudad de Managua, 1973; Geografía de América Latina, 1975; El Medio Físico y Recursos de Baja California, 1975; Tectónica y Morfología en el Centro y Sur de México, 1976; Curriculum Vitae del Ing. Jorge L.Tamayo, 1978; Panorama de la Geografía 1950—1977, en 1979. — A.Jorge Vivó. Biografías y vidas. — <http://www.biografiasyvidas.com>; X.A.Виво. География Мексики. М., 1951; J.A.Vivó Escoto. La Geografía en México: Aspectos Generales de su Evolución. México, 1964.

⁷⁹ L.I.Hernández Iriberrí. El Dr.Jorge A.Vivó Escoto, a Través del Análisis Crítico de su Presencia y Obra. Ensayo, 1984. — Espacio Geográfico. Revista Electrónica de Geografía Teórica. — <http://espacio-geografico.over-blog.es>, 28 enero de 2010.

⁸⁰ Интервью дочери Х.Виво Шочитль Виво де ла Торриенте В.Хейфецу. Мехико, 15 ноября 1998 г.